

Новгородскія Епархіальныя Вѣдомости.

№ 35.

1 Сентября.

Цѣна съ пересылкой

ВЫХОДЯТЪ

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ:
НОВГОРОДЪ.

4 р. 50 к.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Редакція «Епархіальныхъ
Вѣдомостей»

Отдѣльно № 10 к.

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Резолюціею Его Высокопреосвященства отъ 27 Августа, послѣдовавшею на журналѣ Совѣта, отъ 18 Августа за № 80, преподано, согласно представленія Кирилловскаго Отдѣленія, Архипастырское Его Высокопреосвященства благословеніе бывшему учителю Павшезерской школы, Кирилловскаго уѣзда, нинѣ Бизяевской образцовой школы, Павлу Мирославскому за выдающіея усердные труды.

Движеніе и перемѣны по службѣ.

На священническое мѣсто къ Елизаровской церкви, Череповскаго уѣзда, перемѣненъ священникъ Семено-Раменской церкви, Бѣлозерскаго уѣзда, Викторъ Тотатовъ, 21 августа.

Діаконъ на вакансіи псаломщика Ольховецкой церкви, Крестецкаго уѣзда, Тимоѣй Новиковъ перемѣненъ на штатное діаконское мѣсто къ Хубецкой церкви того же уѣзда, 20 августа.

На псаломщическое мѣсто къ Шольской церкви, Бѣлозерскаго уѣзда, опредѣленъ и. д. псаломщика священническій сынъ Алексѣй Братолобовъ, 21 августа.

Бывшій псаломщикъ Косьминской церкви, Старорусскаго уѣзда, Іосифъ Партанскій назначенъ и. д. псаломщика къ Шегринской церкви, Боровичскаго уѣзда, 21 августа.

На псаломщическое мѣсто къ Новосельской церкви, Старорусскаго уѣзда, перемѣненъ псаломщикъ Черницкой церкви, Новгородскаго уѣзда, Валеріанъ Пограничскій, 16 августа.

На псаломщическое мѣсто къ Луньшинской церкви, Старорусскаго уѣзда, назначенъ и. д. псаломщика бывшій псаломщикъ Дретенской церкви того же уѣзда, Иванъ Кобецъ, 22 августа.

На псаломщическое мѣсто къ Черницкой церкви, Новгородскаго уѣзда, перемѣненъ псаломщикъ Луньшинской церкви, Старорусскаго уѣзда, Ѳеодоръ Антоновскій, 22 августа.

На псаломщическое мѣсто къ Череповскому собору опредѣленъ окончившій курсъ духовной семинаріи Авепиръ Успенскій, 23 августа.

Праздныя вакансіи.

Священническія: При Горнешенской церкви, Крестецкаго уѣзда, Мало-Вишерской — того же уѣзда, Староеерговской — Череповскаго уѣзда, Старскогорской и Любытинской церкви, Боровичскаго уѣзда и при Семено-Раменской церкви, Бѣлозерскаго уѣзда.

Діаконскія: При Моденской церкви — Устюжнскаго уѣзда, Пашекожельской — Тихвинскаго уѣзда.

Псаломщическія: При Ольховецкой и Мало-Вишерской церквахъ, Крестецкаго уѣзда, Аполецкой — Демянскаго уѣзда, при Новгородскомъ Десятинскомъ монастырѣ, при Новгородскомъ Званскомъ монастырѣ.

Въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая жителей Имперіи въ теченіе Августа сего года въ Новгородскую Духовную Духовную Консисторію кружечнаго сбора поступило:

Отъ церквей 6 Кирилловскаго округа—2 р. 20 к. 3 Старорусскаго округа—3 р. 74 к. 5 Бѣлозерскаго округа—7 р. 40 к. 3 Демянскаго округа—9 р. 20 к. 7 Старорусскаго округа—11 р. 40 к. 8 Новгородскаго округа—18 р. 28 к. 5 Тихвинскаго округа—4 р. 87 к. 4 Новгородскаго округа—11 р. 1 к. 2 Бѣлозерскаго округа—2 р. 80 к. 7 Череновскаго округа—1 р. 56 к. 1 Демянскаго округа—18 р. 76 к. 2 Демянскаго округа—12 р. 30 к. 1 Старорусскаго округа—4 р. 72 к. 5 Череновскаго округа—19 р. 4 к. 9 Кирилловскаго округа—4 р. 75 к. 4 Устюжскаго округа—3 р. 57 к. 9 Новгородскаго округа—2 р. 43 к. 7 Кирилловскаго округа—55 к. 3 Крестецкаго округа—8 р. 33 к. Филиио Иранской пустыни—6 р. 80 к. Новгородскаго Отенскаго монастыря—50 к. Ригодищскаго Богородице-Рождественскаго мон.—50 к. Валдайскаго Короцкаго мон.—1 р. 45 к. Итого—156 р. 16 к.

Кружечнаго сбора въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая жителей Новгородской губерніи въ Новгородскую Духовную Консисторію въ теченіе Августа сего года поступило:

Отъ церквей 3 Крестецкаго округа—9 р. 23 к.

Редакторъ официальной части

Секретарь Консисторіи *Д. Андреевъ.*

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

Священникъ о борьбѣ съ социализмомъ.

Въ настоящее время въ жизни христіанскихъ народовъ все съ большей и большей силой распространяется ученіе, извѣстное подъ именемъ социализма. Социализмъ стремится уменьшить земныя страданія обездоленныхъ и несчастныхъ, устранить вопиющую неравномерность въ распредѣленіи житейскихъ благъ и до-

вести въ этомъ смыслѣ общественный строй до возможно большаго совершенства“. Средствомъ для этого онъ выставилъ широкую пропаганду идей братства, равенства и свободы. Какъ близко подходитъ онъ къ христіанству! Но кромѣ этого общаго стремленія возродить жизнь человѣчества на началахъ милосердія и любви сродства между ними нѣтъ. Дальше между христіанствомъ и социализмомъ діаметральная противоположность, переходящая въ борьбу не на жизнь, а на смерть. Такъ, для христіанина Богъ долженъ быть всѣмъ, а социалисты въ Бога „не вѣрують вовсе“. Краеугольнымъ камнемъ нашей вѣры служить Христосъ, а они считаютъ его лишь „товарищемъ“; нашу же вѣру въ Него, какъ къ всякую религію, считаютъ „плодомъ суевѣрія и невѣжества“. Наша церковь главное вниманіе сосредоточиваетъ на будущей жизни, хотя не забываетъ и настоящей, но считаетъ ее только приготовленіемъ къ будущей; социалисты же всѣхъ партій имѣютъ въ виду только земное существованіе человѣка. Церковь заботится, чтобы члены ея здѣсь усвоили вѣчное спасеніе, а социалисты мечтають о земномъ раѣ. Для устраненія господствующаго въ мірѣ зла христіанство проповѣдуетъ богатымъ и бѣднымъ состраданіе, любовь и взаимную уступчивость; а социализмъ считаетъ позволительнымъ для этой цѣли прибѣгать къ насилію и погромамъ. Лучшей иллюстраціей къ этой характеристикѣ моднаго ученія служатъ слѣдующіе отрывки революціонныхъ пѣсенъ:

На воровъ, на собакъ—на богатыхъ...
Бей, губи ихъ злодѣевъ проклятыхъ...
И взойдетъ за кровавой зарей
Солнце правды и братства людей.
Проклятіе Богу, предъ Кѣмъ мы съ мольбой
Склоняемся въ холодъ и голодъ зимой:
Напрасно мы ждали, надежды полны,
Онъ насъ обманулъ, одураченъ мы.

Такимъ образомъ мы видимъ, что между социализмомъ и христіанствомъ непроходимая бездна. Это вражда рая и ада. И дѣйствительно, конечныя чаянія социализма сводятся къ тому, чтобы съ корнемъ вырвать христіанство изъ жизни народовъ. Недаромъ онъ уже теперь бросаетъ намъ, христіанамъ, такой вызовъ: „Я опередилъ церковь. Я овладѣлъ, я воспользовался всѣми ея лучшими нравственными началами. Вѣра безъ дѣлъ

мертва, говорите вы: она и оказалась мертвою въ вашей Церкви; тѣ дѣла, которыхъ она не умѣла творить, — я творю ихъ внѣ церкви и безъ церкви и безъ вѣры; подѣ моимъ знаменемъ, а не подѣ знаменіемъ вашей церкви, смягчаются нравы, уничтожаются пытки, освобождаются рабы, водворяется правосудіе, утверждается уваженіе къ человѣческому достоинству, на какой бы общественной ступени ни стоялъ человѣкъ, истребляется социальная неправда, вносятся свѣтъ науки, дается просторъ всякимъ дарованіямъ духа*. (Современ. вопросы).

Итакъ растворились на Церковь Христову врата адовы! На наши паствы движется коварная и обольстительная сила и очаровываетъ нашъ голодный, холодный и безправный народъ. Что можемъ противопоставить этой страшной силѣ мы, служители Христовы?

Лучшее средство борьбы съ этимъ зломъ есть добро, организованное въ приходскихъ обществахъ на разумныхъ и христіанскихъ основахъ: это лучшая аналогія и защита христіанства отъ всѣхъ лжеученій и ересей. Если пастыря Церкви обступятъ алчущіе и жаждущіе не только царства небеснаго, а чувственнаго хлѣба и питія, а онъ скажетъ имъ: „идите съ миромъ, грѣйтесь и питайтесь, но не дасть имъ потребнаго для тѣла“, (Іак. 2, 15—16) не разразится ли тогда надъ нимъ гнѣвъ Того, Кто не только училъ народъ словомъ, но давалъ имъ и тѣлесное питаніе, дважды чудесно насытивъ въ пустынѣ тысячи Своихъ слушателей? Еще скажите мнѣ пожалуйста, развѣ не на голову этого наемника обратятся съ неба тѣ проклятія, которыя изможденные сградальцы въ своемъ ожесточеніи будутъ посылать къ Богу? (см. выше отрывокъ пѣсни). А если слуха этихъ скорбящихъ и озлобленныхъ коснется сильный и торжествующій голосъ социализма: „придите ко мнѣ всѣ трудящіеся и обремененные, и я успокою васъ“, кто будетъ загонять въ церковную ограду разбѣжавшихся овецъ?*)).

Само собою понятно, что и послѣ того, какъ пастырство усиленно придетъ на помощь алчущимъ и жаждущимъ, его дѣло не принизится до *исключительныхъ* заботъ о сытости человѣческой. Нѣтъ. Когда чудесно накормленные однажды Спасителемъ толпы народа искали Его, чтобы провозгласить своимъ царемъ, Онъ сказалъ знаменательныя слова: „Аминь, аминь глаголю вамъ: ищите Мене, не яко видѣсте знаменіе, но яко ая

*) Владикавк. Епарх. Вѣд.

есте хлѣбы и насытитесь; дѣлайте же не брашно (т. е. старайтесь не о пищѣ) гнблющее, но брашно, пребывающее въ животъ вѣчный“ (Іоан. 6, 26, 27).

Воспитаніе въ христіанахъ того настроенія, при которомъ не является для нихъ страшнымъ переходъ изъ этой жизни въ жизнь загробную, совершеніе общественнаго богослуженія и преподаніе благодати Божіей въ таинствахъ Церкви навсегда останется главнымъ дѣломъ христіанскаго пастырства.

О сквернословіи.

Ни одинъ народъ, даже самый дикій и некультурный, не умѣетъ такъ мастерски ругаться, какъ народъ русскій; нѣтъ ни одного государства, ни одной страны, гдѣ бы такъ часто и съ такимъ разнообразіемъ употреблялись ругательныя слова, какъ въ землѣ русской. У насъ ругаются—и старые и малые, богатые и бѣдные, знатные и незнатные, образованные и необразованные, мужчины и даже женщина и при томъ—самыми отборными ругательствами. Словомъ трудно указать такой возрастъ, такое состояніе или сословіе, гдѣ бы нельзя было услышать гнилого слова. Ругаются въ подражаніе старшимъ едва выучившіеся говорить, еще ничего непонимающіе 5—7 лѣтніе мальчишки, ругаются затѣмъ въ низшихъ школахъ, въ среднихъ, въ высшихъ, многіе не оставляютъ этой дурной привычки и послѣ, по вступленіи въ жизнь, иногда даже не обращая вниманія на то высокое положеніе, какое имъ приходится занимать въ обществѣ. Даже что? Еврей-ли, татаринъ ли, чухонецъ-ли, или другой какой-либо инородецъ, если приходится выругаться, то обязательно ругается по русски, хотя и ведетъ разговоръ каждый на своемъ языкѣ, такъ какъ оказывается, что на другихъ языкахъ и нѣтъ такого разнообразія бранныхъ словъ, да при томъ въ разговорахъ и тѣ очень рѣдко употребляются.

Болѣе всего странно то, что русскій человѣкъ ругается не только при раздраженномъ состояніи или въ пьяномъ видѣ, но и при самыхъ обыденныхъ, спокойныхъ разговорахъ; онъ ругается вездѣ и всегда: и одинъ и при компаніи, и при горѣ и при радости, и при гнѣвѣ и при смѣхѣ. Это какая-то необходимая ко всему прибавка; какъ соль кладется почти въ каждое кушанье, такъ и всякая фраза у русскаго человѣка оканчивается почти всегда браннымъ словомъ. „Крѣпкія словца“, ка-

жется, такъ впились въ нашу плоть и кровь, что безъ нихъ мы и жить не можемъ. У многихъ сквернословіе обратилось въ такую сильную привычку, что они ругаются совершенно машинально, безсознательно, сами того не замѣчая. Словомъ это какая-то заразительная болѣзнь, охватившая російскую землю, предъ которой повидимому и руки совсѣмъ опустились у православнаго христіанина: такъ ужъ сильно вездѣ она распространилась и вкоренилась въ нашей землѣ. Мало этого, въ деревнѣ, простой мужикъ настолько еще теменъ и необразованъ, что часто не сознаетъ, что сквернословіе есть дурная привычка, что это великій, смертный грѣхъ предъ Господомъ.

Поговорите вы съ мужикомъ относительно этого сквернословія. „Зачѣмъ ты, дядя, такъ ругаешься?“ спрашиваю я однажды на видѣ очень степеннаго и богобоязненнаго мужика. „А дядя, баринъ, мнѣ в не ругаться, господа-то вонъ болѣ нашего ругаются“.

— „Ну господа ругаются и пусть ругаются, а ты-то зачѣмъ, развѣ безъ этого-то не обойтись?“

— „А какъ же обойдусь то, баринъ: вонъ Ванюшкѣ хоть колъ на головѣ теши иной разъ, ничево не понимаетъ, а какъ прикрѣпишь, значить, русскимъ-то словомъ покрѣпче, такъ какъ быдто енъ и потолковѣе станеть“.

Вотъ видите еще какое понятіе. И это конечно примѣръ не единичный.

Нечего говорить о томъ, что такой крестьянинъ не только не видитъ грѣха въ сквернословіи, но даже напротивъ считаетъ „крѣпкое слово“ необходимымъ заключеніемъ для каждаго правоученія своимъ дѣтямъ. Неудивительно поэтому, что въ семьяхъ съ такими родителями „гнилыя слова“ употребляются наравнѣ со всѣми другими, и отецъ-хозяинъ, произнося ихъ, ничуть не стѣсняется присутствіемъ малолѣтнихъ дѣтей, или дочерей—дѣвицъ, или, наконецъ, постороннихъ лицъ. Въ такихъ семьяхъ и у дѣтей съ раннихъ лѣтъ, разумѣется, развивается привычка къ сквернословію, и они конечно, какъ и родители, не сознаютъ, что поступаютъ худо; и только развѣ уже потомъ школа разъяснитъ всю гнусность ихъ привычки.

Но привычка, говорятъ,—вторая натура, и не такъ-то скоро и легко искоренить то, къ чему привыкнешь въ дѣтствѣ; поэтому-то нерѣдко и бываетъ, что привившаяся страсть къ сквернословію въ дѣтствѣ остается и до старости лѣтъ.

Вообще привычки, приобретённые въ дѣтствѣ, труднѣе оставляются, а дѣти, какъ извѣстно, очень переимчивы; поэтому то и слѣдуетъ оберегать ихъ отъ всего худого.

Между тѣмъ въ данномъ случаѣ для дѣтей громадное поле соблазновъ. Неговоря уже о крестьянскихъ дѣтяхъ, гдѣ чуть-ли не сами родители выучиваютъ ругаться, и дѣти другихъ, болѣе интеллигентныхъ семействъ не гарантированы отъ приобретёнія подобной привычки, разъ на улицѣ,—въ городѣ-ли, деревнѣ-ли, вездѣ можно услышать „вѣрѣнное слово“. Къ тому же наши учебныя заведенія, какъ свѣтскія, такъ и духовныя почти повально заражены этою болѣзнію...

Но ужели въ самомъ дѣлѣ это неизлѣчимая болѣзнь? Уже-ли нельзя принять противъ нея никакихъ мѣръ? Конечно можно.

Пьянство тоже болѣзнь еще болѣе опасная и труднѣе поддающаяся леченію, такъ какъ это болѣзнь не только духовная, но и тѣлесная. Алкоголикъ, бросившій пить, испытываетъ сильное и физическое недомоганье. Между тѣмъ сквернословіе есть болѣзнь чисто духовная: страдаетъ здѣсь не тѣло, а душа.

Не смотря на это, съ пьянствомъ идетъ уже борьба и мѣстами не безъ успѣха. Возьмите хотя правильно организованное общество трезвости во главѣ со священникомъ—труженикомъ, который словомъ и дѣломъ подаетъ всегда примѣръ; развѣ мало приносить такое общество пользы? Или даже медицина развѣ мало сдѣлала успѣховъ въ этомъ отношеніи?

Почему же не начать борьбы и съ этимъ, такъ сильно развившимся, порокомъ?

Разъ сквернословіе есть болѣзнь души, то конечно и забота о леченіи ея должна лежать не столько на правительствѣ, сколько на родителяхъ и главнымъ образомъ на пастыряхъ церковныхъ, такъ какъ на обязанности первыхъ лежитъ забота о духовномъ здоровіи своихъ дѣтей, а на обязанности вторыхъ—забота о духовномъ здоровіи своей паствы.

Но первые, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить, часто и сами не признаютъ всей важности этой болѣзни; вторые же или тоже не считаютъ ее особенно важной или же до того свыклись съ ней, что не замѣтно для себя игнорируютъ ее.

Между тѣмъ считать сквернословіе не слишкомъ важной душевной болѣзнію—большая ошибка, ибо это—страшный грѣхъ, который человѣкъ весьма прогнѣвляеть Господа.

Поэтому мы всегда должны слѣдить за собой, чтобы „никакое гнилое слово не исходило изъ устъ нашихъ“ (Еф. IV, 29),

тѣмъ болѣе, что, по слову Спасителя за всякое слово—и не гнилое, а только праздное придется дать отвѣтъ на страшномъ судѣ (Мѣ. XII, 36).

Наконецъ мы всегда должны помнить, что каждый сквернословецъ служить великимъ соблазномъ для другихъ, въ особенности же для дѣтей. Вникнувъ глубже въ психологію дѣтской души, можно видѣть, что приобрѣтенная страсть къ сквернословію еще въ безсознательный періодъ дѣтства, въ дальнѣйшей жизни служить для человѣка началомъ разврата. Такимъ образомъ сквернословецъ нерѣдко является въ данномъ случаѣ развратителемъ. Какой же страшный грѣхъ онъ несетъ на себѣ, когда Спаситель относительно соблазна вообще сказалъ: Если кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Меня, тому лучше было бы, если бы повѣсили ему мельничный жерновъ на шею и потопили въ глубинѣ морской (Мѣ. XVIII, 6).

Особенно же грѣшатъ тѣ, которые ругаются „матернымъ словомъ“. „Матернымъ словомъ,—говоритъ одинъ учитель церкви,—оскорбляется священное имя матери. Первая мать есть Пресвятая Богородица—наша общая заступница; другая мать та, которая въ болѣзняхъ рождаетъ насъ и заботится о нашемъ воспитаніи; третья общая для всѣхъ матеръ—земля, дающая всѣмъ намъ, по благословенію Божию, пищу, одежду и жилище. О произносящемъ скверныя слова человѣкѣ ангелъ—хранитель плачетъ, діаволъ же радуется, отъ такого пречистая Богородица отнимаетъ Свой Покровъ; на такого Бога посылаетъ различныя напасти и несчастія“. *) Дѣйствительно жизнь даетъ намъ не мало примѣровъ наказанія Божія за страсть къ сквернословію. Такъ напр. на страницахъ „Кормчаго“ (№ 29 за 1905 г.) священникъ Петръ Сергѣевъ пишетъ: „Крестьянинъ дер. Дымна, Званскаго прихода, Новгородскаго уѣзда, Яковъ Θεоктистовъ, по отзыву сосѣдей, умѣлъ и любилъ ругаться до такой степени, что, кажется, не было фразы въ его рѣчи безъ браннаго слова. А между тѣмъ крестьянинъ онъ былъ и молодой еще и очень не глухой. Но порочная страсть обуяла все его существо... Однажды Яковъ Θεоктистовъ вѣсть со своими двумя односельчанами возвращался съ покоса. У самой своей деревни имъ нужно было перебраться чрезъ ручей: пойти или на мостъ—и сдѣлать нѣсколько кругу, или же перебраться вплавь въ ближайшемъ мѣстѣ. Ручей былъ неширо-

*) Дьячк. Катихиз. М. 1898 г. стр. 927

кій—сажени $2\frac{1}{2}$, и такъ какъ протекалъ онъ между двухъ сугорокъ, то глубина его была сравнительно порядочная,—около сажени. Крестьяне все умѣли плавать, а особенно Яковъ Θεоктистовъ, переплывавшій у своей деревни даже Волховъ—саженей 25-и, пожалуй, и больше шириною, и слышій по этому за отмыннаго пловца. И вотъ, когда одинъ изъ трехъ товарищей рѣшилъ идти на мостъ, Яковъ началъ ругаться и съ скверною бранью въ легкой одеждѣ своей бросился въ ручей. За нимъ послѣдовалъ и другой. Но не успѣлъ Яковъ сдѣлать 3—4 взмаха руками, какъ крикнувъ „тону“, пошелъ ко дну, тогда какъ товарищъ его, будучи плохимъ пловцомъ, благополучно доплылъ до другого берега. Собравшійся изъ деревни народъ вытащилъ тѣло несчастнаго, оказавшееся на глубинѣ въ половину человѣческаго роста“. Въ томъ же „Кормчемъ“ въ № 50 за 1904 г. свящ. В. Черкесовымъ приведены два случая наказанія Божія за страсть къ сквернословію нѣмотою. Да и мало ли еще случаевъ, неотмѣченныхъ печатью.

И такъ игнорировать пастырю церкви этотъ великій грѣхъ среди насомыхъ прямо преступно. Сквернословіе не есть что-нибудь пусташное, маловажное. Съ чего же однако начать борьбу съ нимъ? Прежде всего, по моему мнѣнію, нужно обратить особенное вниманіе на тѣхъ темныхъ родителей, которые, сами не сознавая пагубности ихъ гнусной привычки, являются иногда даже наставниками въ этомъ для своихъ дѣтей и путемъ церковной проповѣди или частныхъ бесѣдъ уяснить имъ всю преступность сквернословія. Наши пастыри, повторяю, (да и мы все) какъ то слишкомъ легко привыкли смотрѣть на этотъ грѣхъ и очень часто по этому въ своихъ проповѣдяхъ и наставленіяхъ обходятъ его молчаніемъ. Велѣдствіе этого, конечно, и происходитъ, что и родители—крестьяне часто не видятъ грѣха въ сквернословіи.

Если же пастырь уяснить въ своемъ приходѣ всю грѣховность сквернословія и въ тоже время докажетъ, насколько глупа и совершенно излишня эта привычка въ обыденной нашей жизни, то это уже будетъ большой шагъ впередъ.

Далѣе,—года два тому назадъ, пришлось мнѣ быть на молебнѣ предъ началомъ ученія въ одномъ министерскомъ училищѣ. По окончаніи службы мѣстный священникъ, сказавъ нѣсколько привѣтствій дѣтямъ, обратился со словомъ назиданія и къ родителямъ, которыхъ, кстати сказать, собралось довольно много, что далеко не вездѣ замѣчается: въ большинствѣ же слу-

чаевъ родители мало интересуются школой и избѣгаютъ посященій ея. Говоря о воспитаніи вообще, священникъ между прочимъ коснулся и скверной привычки ругаться гнилыми словами и въ качествѣ средства для борьбы съ этой привычкой предлагалъ открыть при церкви особое общество, члены котораго сами бы давали обѣщаніе впредь не ругаться скверными словами и всѣми способами старались бы отвлекать отъ этой худой привычки и другихъ. Предложеніе священника было принято крестьянами очень благосклонно, но только почему то дальше этого не пошло и симпатичное средство священника такъ предложеніемъ и осталось.

У насъ на Руси всякія есть общества, напр. общества трезвости, общество покровительства животныхъ и т. п. Почему бы въ самомъ дѣлѣ не устроить еще и общество борьбы со сквернословіемъ? Польза несомнѣнно должна быть, въ особенности если прихожане отнесутся къ нему благосклонно. Въ нынѣшнемъ году въ г. Боровичахъ устроено особое общество, имѣющее своею цѣлю поднятіе нравственности среди мѣстныхъ жителей. Судя по общей цѣли общества здѣсь должно быть на сквернословіе обращено особенное вниманіе. Въ данное время, къ сожалѣнію, я почти не знакомъ съ этимъ обществомъ, но въ скоромъ времени надѣюсь познакомиться поближе, о чемъ не замедлю оповѣстить и читателей Епарх. Вѣдомостей.

Желательно, чтобы настоящая замѣтка обратила на себя вниманіе духовенства, чтобы оно начало вести ожесточенную борьбу съ сквернословіемъ, съ этою сквернѣйшею привычкою, нигдѣ такъ не распространенною, какъ у насъ на Руси.

С. А. А.

Въ обители Преподобнаго Макарія.

Макарьевская пустынь находится въ Новгородской губ. и уѣздѣ въ 110 в. отъ Новгорода, въ 80 по Московскому тракту отъ С.-Петербурга и въ 21 в. отъ ст. Любани по Ник. ж. д. Основана пустынь Преподобнымъ Макаріемъ, бывшимъ здѣсь первымъ Игуменомъ, мощи котораго почиваютъ подъ спудомъ. Разоренная шведами пустынь возобновлена въ 1895 г. и въ настоящее время насчитываетъ до 140 человѣкъ братіи. Изъ нихъ: 8 іеромонаховъ, 5 іеродіаконовъ и 8 манатейныхъ монаховъ.

„О преподобномъ Макаріи изъ устнаго народнаго преданія извѣстно, что онъ родомъ былъ Римлянинъ; по прибытіи изъ своего отечества въ Россію избралъ мѣстомъ своего уединенія небольшой островокъ среди топкаго болота въ Новгородской вѣси, въ 3-хъ верстахъ на сѣверъ отъ его пустыни, и въ полуверстѣ отъ рѣки Мги, впадающей далѣе въ р. Неву, и на этомъ островкѣ поставилъ себѣ келлію и жилъ въ ней, пребывая въ строгомъ постѣ и молитвѣ. Долгое время убѣжище его отъ міра никому изъ людей не было извѣстно, но въ послѣдствіи времени Господь открылъ его чрезъ охотниковъ, которые во время охоты сбились съ дороги, долгое время искали ее, затѣмъ увидѣли дымъ, небольшую избушку и въ ней Преподобнаго Макарія, который послѣ молитвы подкрѣпилъ ихъ небольшою краюшкой сухого хлѣба, благословилъ ихъ и указалъ имъ дорогу къ ихъ домамъ. Съ этого времени стали посѣщать Преподобнаго охотники, а вмѣстѣ съ ними и другіе окрестные жители“ *).

На мѣстѣ бывшей келліи Преподобнаго Макарія, находящейся въ 3-хъ верстахъ отъ Пустыни, построена нынѣ небольшая церковь во имя преподобныхъ „Отцевъ и Матерей въ постѣ и подвигѣ просіявшихъ“, здѣсь же у церкви и цѣлебный источникъ Преподобнаго. При храмѣ, въ особомъ домикѣ, живутъ три послушника, читающіе псалтирь. Въ эту пустынную церковь 15 Августа совершается крестный ходъ изъ монастыря.

Св. мощи Преп. Макарія находятся въ самомъ монастырѣ въ трехпрестольномъ храмѣ, въ главномъ Успенскомъ придѣлѣ, подъ спудомъ; надъ ними устроена рака съ иконой Преподобнаго, надъ ракой деревянная сѣнь. При ракѣ находятся и желѣзные вериги, къ которымъ богомольцы прикладываются и надѣваютъ себѣ на шею во время земнаго поклоненія предъ мощами Преподобнаго.

15 Августа Успеніе Пресвятой Богородицы—храмовой праздникъ въ обители и память Преподобнаго Макарія. Этотъ праздникъ справляется въ обители съ особенною торжественностію. Нынѣ торжество началось ранѣе 15-го числа. Раннее окончаніе полевыхъ работъ дало возможность богомольцамъ прибыть въ обитель еще 12-го въ субботу ко всенощной.

Въ обители, въ ковчегѣ съ частицами св. мощей есть часть св. мощей святителя Тихона Задонскаго, а т. к. память святы-

*) „О Макарьевской пустыни“, 1891 г. 3-е изд. свящ. А. Сыренскаго.

теля празднуется 13 Августа, то къ воскресной службѣ была прибавлена и служба святителю Тихону. На „Богъ Господь“ было сказано поученіе о св. Тихонѣ, а на „Хвалите“ былъ вынесенъ изъ алтара ковчегъ съ частицей мощей св. Тихона и пропѣто Святителю величаніе.

Въ воскресенье 13 Августа литургія въ Успенскомъ храмѣ была совершена о. завѣдующимъ монастыремъ іеромонахомъ Кирилломъ соборне. Во время запричастнаго стиха народу было предложено поученіе на Евангельское чтеніе. Послѣ литургіи былъ совершенъ крестный ходъ въ новоотстроенную часовню для ея освященія; здѣсь былъ отслуженъ молебенъ съ водосвѣтѣмъ и св. Тихону; часовня окроплена св. водой и крестный ходъ возвратился въ храмъ. Цѣлый день, несмотря на дождь и холодъ, народъ все прибывалъ въ Пустынь. Много было исповѣдниковъ. Въ ночь на 14-ое и весь день идетъ дождь при холодномъ вѣтрѣ, дороги сдѣлались едва проходимыми, но народъ идетъ, ѣдетъ на телѣгахъ, — верхомъ, люди падаютъ отъ скользкой и липкой грязи, поднимаются, идутъ все грязные, мокрые. Въ монастырѣ встрѣчаютъ народъ послушники и разводятъ по корпусамъ, гдѣ можно обсушиться, отдохнуть и напиться чаю. Въ этотъ день служатся литургіи: одна въ монастырѣ, за которою говорится поученіе противъ пьянства, и другая — ранняя на островкѣ Преподобнаго. 14 Августа болѣе 100 человекъ причастниковъ. Утромъ прибылъ на праздникъ изъ Новгорода отецъ благочинный монастыря, Архимандритъ Іона. Въ часъ дня устраивается для народа бесѣда въ теплой церкви Св. Архистратига Михаила. По звону въ колоколь, едва согрѣвшійся, еще не просохшій народъ (подъ дождемъ сѣлится толпами изъ разныхъ помѣщеній въ церковь. Церковь быстро наполняется народомъ. Проповѣдникъ предлагаетъ пропѣть всѣмъ присутствующимъ „Царю Небесный“, „Пресвятая Богородице, спаси насъ“, „Преподобный Отче Макаріе, моли Бога о насъ“; поетъ вся церковь стройно, съ воодушевленіемъ. Проповѣдникъ говоритъ о вѣрѣ и жизни христіанской и предлагаетъ пропѣть молитву Господню и „Символь Вѣры“; поютъ, отчетливо выговаривая слова и замѣчательно стройно. Дѣлаются краткія поясненія „Символа Вѣры“ и говорится о молитвѣ; дружнымъ пѣніемъ „Достойно есть“ заканчивается бесѣда, и народъ довольный расходится по монастырю. Въ это время у мощей Преподобнаго служатся молебны. Народъ все идетъ и все дальній, особенно много изъ Ладожскаго уѣзда Петерб. губ.,

гдѣ особенно чтутъ Преподобнаго Макарія. Въ 6 час. начинается звонъ ко всенощной, чрезъ нѣсколько минутъ храмъ уже полонъ народа, едва остается мѣсто для встрѣчи о. Архимандрита. Вотъ съ колокольной раздается трезвонъ. Духовенство торжественно встрѣчаетъ о. Архимандрита Іону у западныхъ дверей храма. Начинается всенощная. Всенощную служить завѣдующій монастыремъ іеромонахъ о. Кирилль со старшимъ іеродіакономъ о. Виссаріономъ. На малый входъ, литію и величаніе выходятъ соборомъ: о. Архимандритъ Іона, Протоіерей общины Св. Георгія въ Петербургѣ о. А. Сыренскій, завѣдующій іеромонахъ Кирилль, іеромонахи и 4 іеродіаконъ. Послѣ 1-й каѳизмы долго говоритъ къ народу одинъ изъ монаховъ обители. Служба отправляется празднику „Успенія“ съ добавленіями изъ службы Пр. Макарія. Большое спасибо новому завѣдующему іеромонаху о. Кириллу отъ всѣхъ богомольцевъ за возобновленіе въ этотъ день пѣнія службы Преподобному. Послѣдніе годы, неизвѣстно почему, не отправлялась въ этотъ день служба Преподобному, а народъ вѣдь къ этому привыкъ. Трогательно было слышать величаніе, пропѣтое Преподобному послѣ величанія Пресвятой Богородицы. Во время поліелея и слѣдовавшаго за нимъ акаѳиста „Успенію“ народъ стоялъ съ возжженными свѣчами. Хотѣлось вѣрить, что этотъ простой народъ принесетъ домой изъ обители и въ душѣ своей жирный огонекъ и зажжетъ имъ сердца своихъ сосѣдей. Послѣ акаѳиста, который не читался, а пѣлся попеременно на клиросахъ, при пѣніи кондака „Взбранной Воеводѣ“ икона Успенія Пресвятой Богородицы была поднята народомъ и въ преднесеніи запрестольнаго креста и другихъ иконъ, въ предшествіи духовенства, обнесена вокругъ храма. Дивную картину представлялъ этотъ ночной крестный ходъ. Пустыня, болото и лѣсъ, непроглядная тьма, храмъ, горящій огнями, и вокругъ него торжественная процессія. Величественно шествуетъ икона Успенія Пресвятой Богородицы, окруженная народомъ. Тутъ невольно вспоминалось событіе, совершившееся нѣсколько вѣковъ назадъ въ Іерусалимѣ:—также вѣрные окружали одръ Богоматери, неся Пречистое Тѣло Ея на погребеніе. При пѣніи тропаря „Въ рождествѣ дѣвство сохранила еси, во Успеніи міра не оставила еси Богородице“ крестный ходъ возвращается въ церковь. Запѣли канонъ; народъ сталъ прикладываться къ иконѣ. Всенощная окончилась около 12 ч. ночи и усталый, но довольный прекраснымъ, торжественнымъ служеніемъ, подъ веселый трезвонъ колоколовъ, народъ расхо-

дился на отдыхъ. До трехъ часовъ утра продолжалась исповѣдь народа.

Наступило и 15 Августа. Въ 5 ч. утра крестный ходъ, сопровождаемый іеромонахомъ съ іеродіакономъ и пѣвчими, отправился на островокъ Преподобнаго, отстоящій отъ монастыря въ 3-хъ верстахъ. По прибытіи крестнаго хода на островокъ была совершена ранняя литургія, а послѣ литургіи крестный ходъ возвратился въ обитель. Въ 7 час. утра зазвонили въ монастырь къ ранней обѣднѣ. Сегодня два храмовыхъ праздника въ обители: одинъ въ главномъ придѣлѣ „Успенія“, а другой въ лѣвомъ придѣлѣ Преподобнаго Макарія. Вотъ въ этомъ то придѣлѣ Преподобнаго и совершилъ раннюю Литургію завѣдующій отецъ Кириллъ. Послѣ запричастнаго было сказано слово о Преп. Макаріи. За литургіей много причастниковъ.

Въ 10-мъ часу перезвонъ къ водосвятному молебну. Молебенъ служить Протоіерей о. А. Сыренкій и свящ. о. А. Борисовъ, послѣдній ближайшій къ пустыни приходскій священникъ. Во время молебна возвратился крестный ходъ съ „островка“, св. иконы встрѣтилъ о. А. Борисовъ съ іеродіакономъ Виссаріономъ у западныхъ дверей храма.

Въ 10 часовъ раздается торжественный трезвонъ:—это о. Архимандритъ идетъ изъ настоятельскихъ покоевъ въ храмъ. Обычная встрѣча, входное и начинается чтеніе часовъ. Литургію совершаютъ о. Архимандритъ Іона, Протоіерей о. А. Сыренскій, священникъ о. А. Борисовъ и іеромонахъ о. Владимиръ при старшемъ іеродіаконѣ Виссаріонѣ и іеродіаконѣ Пантелеймонѣ. Церковь полна молящимися. Послѣ чтенія Евангелія одинъ изъ священнослужителей обращается къ народу съ теплымъ словомъ:

„Братія христіане! мнѣ прислано одно воззваніе, заключающее въ себѣ призывъ къ всенародной молитвѣ за несчастную родину нашу и заканчивающееся просьбою „передать его дальше“. Съ полною охотою исполняю эту просьбу неизвѣстнаго мнѣ добраго христіанина, сочинившаго воззваніе и дѣлюсь имъ съ вами. Оно начинается словами Спасителя, сказанными ученикамъ Его въ ту ужасную ночь страданій, когда была страшная опасность всемъ имъ соблазниться и оставить Его. „Что вы спите, говорилъ Господь! бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть вамъ въ искушеніе“. О, коль благовременно это слово и для насъ, въ нынѣшнюю годину испытанія! Надъ родиной нашей нависла черная туча, тьма кругомъ—зги не видать. Точно всѣ

силы ада вышли изъ своей преисподней и наполнили большіе города и даже селенія. На подробностяхъ не останавливаюсь, п. ч. вы сами ихъ знаете, читаете каждый день и рассказываете. Подробности эти, наприм., послѣдняя вѣсть о покушеніи на жизнь П. Арк. Столыпина, такъ ужасны, что поражаютъ какъ громомъ впечатлительную душу. Братія мои, какъ Господь молился за враговъ своихъ, скорбѣлъ о окамененіи сердець людскихъ, страдалъ за грѣхи ихъ, такъ и мы, дорогіе мои, въ подражаніе своему Божественному Учителю не пройдемъ мимо грѣха людского, постараемся сколько силъ нашихъ есть, поднять свой голосъ противъ этого мерзкаго духа разрушенія въ русской землѣ: откликнемся всѣмъ сердцемъ, какъ вѣрные дѣти Царя, на Его недавній призывъ стать кругомъ Его въ дѣлѣ спасенія родины. Если бы и ничего мы не могли сдѣлать, то во всякомъ случаѣ молиться мы можемъ, а молитва, приносимая съ вѣрою, сильнѣе и дѣль. „Помилуй мя, Господи, дочь моя жестоко бѣснуется“, кричала хананейка и получила просимое. Воззовемъ и мы къ тому же Всесильному Богу: „помилуй насъ Господи, кровные дѣти Россіи избиваютъ другъ друга; верни матери ея блудивыхъ сыновъ“.

Воззваніе, которое я держу въ рукахъ, къ такой молитвѣ насъ и призываетъ. Смѣю думать, что ваше благочестіе позволить мнѣ прочесть его.

„Что вы спите“ Лук. 22, 46.

Вся страна утопаетъ въ крови и слезахъ! Послѣ долгаго сна, она поднялась, стала расправлять огромные члены, слѣпо рванулась съ мѣста и избилъ себя почти до смерти.

Истерзанная, одичалая, Бога забывшая, она мечется, безумно, во всѣ стороны, безжалостно ударяя направо и налево, и гряда злодѣяній и бѣдствій растетъ съ каждымъ часомъ. Нечего входить въ подробности; мы объ этихъ ужасахъ знаемъ, читаемъ и много, часто безплодно, говоримъ...

Но что-же дѣлаемъ, въ такое время мы, христіане, не забывшіе Бога; мы, которые вѣруемъ въ Евангеліе и въ услышаніе молитвъ? Какъ воздѣйствуемъ противъ напорающаго зла? Почему такъ слабы наши голоса, такъ немошно наше свидѣтельство? Почему, когда ядъ невѣрія разливается потоками,—противоядіе такъ бездѣйственно? Господь Іисусъ, не оставшійся въ сторонѣ отъ людскаго грѣха и страданія,—что скажетъ Онъ на наше равнодушіе? Онъ, Который покинулъ небо, чтобы придти на помощь, Который жилъ среди грѣшниковъ, терпѣлъ

все отъ нихъ, принявъ на Себя ихъ раны, показалъ на дѣлѣ, что ему „жалъ народа“ и „оставилъ намъ примѣръ, чтобы мы шли по слѣдамъ Его“—что скажетъ Онъ намъ, рабамъ Своимъ. Прямо стучать въ сердце и совѣсть эти слова: „Что вы спите? Встаньте и молитесь, чтобы не впасть въ искушеніе“. Какое же искушеніе грозитъ и, увы, одолеваетъ насъ теперь?—Быть спящими, когда надо бодрствовать. продолжать спокойно нашу обыденную жизнь, довольствоваться нашими скудными обыденными молитвами, когда зло необыденное свирѣпѣетъ вокругъ и убиваетъ тѣла и души. Искушеніе—„пройти мимо“ страдальцевъ, перадѣя о завѣтѣ Божественнаго Сострадальца, Который, описавъ намъ служеніе любви милосердаго Самарянина, сказалъ: „иди и ты поступаай также“. Неужели, по причинѣ умноженія беззаконія, охладѣла и въ насъ любовь“—и нѣтъ въ насъ, христіанахъ, Духа Христа великаго Первосвященника и ходатая, положившаго душу Свою за людей?

Не будемъ отговариваться тѣмъ, что мы безсильны, ничего не можемъ сдѣлать, не знаемъ какъ помочь... Еслибы и всякое другое дѣло было невозможно, развѣ мы не можемъ молиться, не такъ, какъ мы до сихъ поръ молились, а т. е. мы еще никогда не молились! „Много можетъ усиленная молитва“ (Іак. 5. 16). И вотъ недавно, въ далекой странѣ, Англіи, назначено было, на большой духовной конференціи, два дня для особаго, совмѣстнаго моленія за Россію. Братское сочувствіе простирается къ намъ оттуда; оттуда насъ будятъ,—а мы?

„Не имѣете, потому что не просите“ (Іак. 4. 2). Не просимъ, потому что не жалѣемъ; не болитъ у насъ сердце о нашихъ ближнихъ той неотвязчивой, острой болью, которая должна вылиться въ моленіи, въ такомъ моленіи, которое приступомъ захватываетъ обѣтованія и получаетъ просимое.

Сознаемъ же нашу вину и отвѣтственность и по повелѣнію нашего Господа, встанемъ! „Истинно наступилъ уже часъ пробудиться намъ отъ сна“. (Рим. 13. 11) Встанемъ, чтобы сперва повергнуться во прахъ передъ Господомъ и сказать Ему: „прости намъ“. Быть можетъ, Онъ ждетъ покаяннаго голоса Своихъ дѣтей, чтобы помиловать страну. А затѣмъ, на рукахъ вѣры и молитвы, со всѣхъ концовъ Россіи, подыдемъ ее несчастную, измученную—какъ нѣкогда подняли вѣрующіе безпомощнаго страдальца въ Канернаумѣ,—и принесемъ ее ко Христу, моля Его сказать и ей: „прощаются тебѣ грѣхи“, и потомъ, „встань и ходи“—въ новой жизни. Кровлю, замыкающую, разберемъ, какъ

они, старатели, разобрали; забудемъ себя и свои узкія границы, прорвемся чрезъ всѣ преграды нашей отяжелѣвшей плоти, и воззовемъ къ Господу, доколѣ не пошлетъ Онъ обновленіе и миръ! Принесемъ „усиленное“ моленіе; не будемъ жалѣть себя, — своего времени, труда, даже сна, будемъ жалѣть другихъ, жалѣть всѣхъ, какъ „дѣти Отца небеснаго, повелѣвающаго солнцу Своему восходить надъ злыми и добрыми“ и поставившаго слугъ Своихъ стражниками и свѣтильниками среди темнаго міра“. „Итакъ, добрый мой братъ, въ 8 ч. вечера, когда зайдетъ солнышко, спустятся сумерки, вспомни, что за мгла теперь надъ Русской землею и не забудь горячо — горячо помолиться о ней“. Народъ видимо тронуть воззваніемъ, у многихъ на глазахъ слезы. Торжественное служеніе, хорошее пѣніе все это молитвенно настраиваетъ душу. Послѣ запричастнаго говорится слово на день Успенія Пресвятой Богородицы, излагается исторія праздника и дѣлается заключеніе, что, претерпѣвшая столько страданій при жизни, Богородица пойметъ наши страданія и услышитъ нашу горячую молитву въ эти несчастные для Россіи дни. Много причастниковъ и за этой литургіей. Молебень служитъ Пресвятой Богородицѣ съ припѣвами Преподобному Макарію предъ иконою Успенія, которая, подобно Кіевской, спускается въ царскихъ вратахъ. Читается молитва къ Царицѣ Небесной и многолѣтніи заканчиваются благослуженіе. Народъ подходитъ ко св. Кресту, прикладывается къ иконѣ Успенія и мощамъ Преподобнаго.

Для служившихъ и гостей была устроена праздничная трапеза. Къ 3-мъ часамъ монастырь сталъ быстро пустѣть, а часовъ въ 5 проводили съ трезвономъ и о. Архимандрита. Окончилось торжество въ обители, но не окончилось это торжество въ сердцахъ тѣхъ, которые, не смотря на холодъ и дождь, за десятки верстъ по грязи пришли въ обитель. Еще долго они будутъ вспоминать и рассказывать о томъ духовномъ торжествѣ, на которомъ судилъ Богъ имъ побывать.

Скажемъ сердечное спасибо любвеобильному завѣдующему о. Кириллу со всею его во Христѣ братією за ихъ радушный пріемъ и за тѣ высокія минуты, которыя пришлось намъ пережить въ юной обители.

Н. Сыр. нскій.

Язвы пастырства *).

Безотрадная картина предстанетъ взорамъ нашимъ, если мы возьмемъ на себя трудъ искренно, безпристрастно, не таясь отъ самихъ себя, войти внутрь себя, заглянуть въ совѣсть нашу и при свѣтѣ правды Божіей разобраться въ внутреннихъ язвахъ нашихъ убогихъ душъ! Нравственный обликъ нашъ для посторонняго зрителя, повидимому, не оставляетъ желать чего-либо лучшаго. Наше одѣяніе, противъ котораго такъ усиленно, кажется, ратуютъ современные реформаторы, таково, что подъ нимъ волей-неволей мы, порою, вынуждаемся скрывать многія и многія порочныя наклонности душъ нашихъ. Въ обществѣ мы, большею частію, благообразны и благопристойны: но всегда ли мы таковы? Таковы ли мы среди своихъ, когда душа на распашку, когда нѣтъ около насъ Іуды предателя, могущаго вывести на позоръ нашу домашнюю, закулисную жизнь? Таковы ли мы, наконецъ, когда остаемся наединѣ съ собою? А между тѣмъ пастырь, болѣе чѣмъ кто-либо другой, долженъ стремиться къ тому, чтобы всегда, искренно, не фальшиво, быть самимъ собою, болѣе другихъ долженъ чувствовать себя всегда ходящимъ предъ очами Бога. Повторяю, официальная наша нравственность почти заслуживаетъ похвалы. Исключенія бываютъ, но крайне рѣдко:—да въ семьѣ вѣдь не безъ уродовъ.

Я знавалъ, еще въ дѣтствѣ, одного свящ., который былъ положительно кумиромъ всего города. Какъ онъ вдохновенно служилъ, какія прочувственные проповѣди произносилъ! Вся церковь, порой, рыдала. Весь городъ стекался слушать его, и что же? Когда онъ по семейнымъ и другимъ обстоятельствамъ снялъ себя санъ, мнѣ пришлось слышать, какъ этотъ бывшій пастырь, съ непонятнымъ цинизмомъ, въ кругу своихъ новыхъ пріятелей, заявлялъ, что все, что считалось у него хорошимъ—есть ничто иное, какъ результатъ искусной игры актера! Какъ возмутительно, какъ дико, безчеловѣчно осмѣяно все! Но несмотря на это, все сказанное—сущая правда, несомнѣнный фактъ. Въ чемъ же заключалась сила его обаянія? За какія доблести онъ такъ долго пользовался незаслуженною любовью, уваженіемъ? Да именно за то, что умѣлъ думать и молчать, дѣлать и скрывать. Когда же, вынужденный обстоятельствами и удрученный душевнымъ недугомъ, снѣ сталъ свои сокровенныя думы говорить

*) Правосл. Путевод, №№ 10—11.

вслухъ, а тайныя дѣянія выставять на показъ, когда онъ сбросилъ съ себя личину и раскрылъ свои карты, ему предложили снять санъ и наименовали безнравственнымъ. Этотъ примѣръ, понятно, весьма исключительное и грустное явленіе. Но при-сматриваясь ближе къ нашей жизни, можно легко замѣтить много такого, что усиленно нами скрывается, и за что мы, иногда, можемъ тоже считаться болѣе или менѣе нравственными. Возьмемъ, на примѣръ, хозяйственную сторону церковной жизни. Мы ведемъ приходо-расходныя книги, въ которыя исправно вносимъ всѣ доходы и расходы церкви. Но всѣ ли? „Соль земли“ и свѣточи міра не въ темнотѣ ли ведутъ свои церковныя дѣлишки? При полугодичныхъ поѣздкахъ благочиннаго съ отчетомъ они сѣтуютъ на свое убожество и недостатки, а безъ разрѣшенія начальства на какія суммы, домашнимъ образомъ, ремонтируютъ свои дома? 50—60 руб. не въ состояніи оказываются уплатить церковныхъ взносовъ, и тутъ же, на глазахъ всѣхъ, хлопочутъ объ устройствѣ 3000-ныхъ иконостасовъ... А наши личные доходы? Всѣ, почти, жалуются на недостатокъ средствъ и всѣ... всѣ, почти, батюшки живутъ такой приличной жизнью, при такой порядочной обстановкѣ, что я, грѣшный, не разъ въ душѣ завидовалъ и недоумѣвалъ—что сіе значитъ?... Такая завѣдомая ложь и ненасытимая жажда благъ міра сего кладутъ, согласитесь, не малое пятно на нашъ нравственный обликъ. Если же присоединить къ этому просиживанію ночей на пролетѣ въ гостяхъ за виватомъ и преферансомъ, и служеніе на утро съ неослабѣвающимъ чувствомъ литургіи (о, бываетъ и это!), произнесеніе первой попавшейся проповѣди, минутныя молебны для страждущихъ душой и тѣломъ, произвольное сокращеніе требъ, собираніе шерсти и масла въ ущербъ прямымъ обязанностямъ и проч. и проч... то обликъ нашей нравственности будетъ все темнѣть и темнѣть... а какъ коснемся еще болѣе интимныхъ сторонъ нашей жизни и уже только въ тайникѣ души своей попытаемся узрѣть мерзость и запустѣніе сердець нашихъ,—то ни въ коемъ случаѣ не будемъ удивляться тѣмъ смутамъ и неурядицамъ, тому позору, какой переживаемъ мы теперь, когда страсти люскія разыгрались до такой степени, что грозятъ опасностью престолу царскому и даже самой святой Церкви... Не удивительно, ибо пожинаемъ то, что сѣяли!

Касаться ли нашихъ обыденныхъ житейскихъ разговоровъ,—насъ, призванныхъ провозглашать глаголы вѣчной жизни, насъ, проповѣдающихъ, что за „всяко слово праздное, еже аще ре-

кутъ человѣцы, воздають о немъ слово въ день судный“ (Мате. 12, 36)? Говорить ли похвальное слово нашей взаимной любви пастыря къ пастырю, а, тѣмъ паче, къ низшимъ клирикамъ? Правда, при встрѣчахъ мы неизмѣнно лобызаемся, лицемѣрно подставляя щеки свои, и даже иногда говоримъ, что „Христосъ среди насъ... и есть и будетъ“... Но увы, все это слова и слова, формы и формы, въ которыя мы такъ старательно стараемся втиснуть убогія души свои!

И мы—соль земли? и мы—свѣтъ міра? Отбросимъ ложный стыдъ, долой фальшивую маску!... Не излечить намъ язвъ душевныхъ, пока не обнажимъ мы ихъ предъ Врачомъ небеснымъ! Губимъ себя, губимъ и народъ, ввѣренный нашему попеченію. Пора намъ одуматься, пора замѣнить гордость сатанинскую смиреніемъ... о, какъ пора, обливаясь горькими слезами раскаянія, изъ глубины души воскликнуть: „Господи, спаси ны —погибаемъ“!..

Но не трепещетъ сердце наше, не надрывается душа... Въмѣсто сердечнаго сокрушенія о немощи своей, не разрастается ли въ душѣ злоба и ожесточеніе противъ того, кто осмѣлился сказать всенародно слово правды? Не готовимся ли мы забросать камнями раскрывающаго язвы наши?.. Истинное мѣрило нашей нравственности—не общественное мнѣніе людей, не условныя понятія міра. Истинное зеркало, въ которомъ правильно отражается нашъ образъ души, есть Божественное Евангеліе, къ безпристрастному руководству которымъ и приходится отослать тѣхъ изъ насъ, которые найдутъ мои разсужденія неумѣстными, слишкомъ рѣзкими, а тѣмъ болѣе несправедливыми. Да я и самъ готовъ согласиться, что воистину „жестоко слово сіе“, но что же дѣлать? Врачъ иногда горькимъ лекарствомъ врачуетъ тяжкій недугъ и, острымъ ножомъ отрѣзая члены, спасаетъ жизнь больнымъ...

Что касается отсутствія солидарности и общности интересовъ между пастырями, между членами причта и, наконецъ, между причтомъ и народомъ, то, мнѣ кажется, вполне будетъ достаточно привести нѣсколько общихъ примѣровъ, въ подтвержденіе самаго существованія факта, въ печальныхъ результатахъ котораго врядъ ли кто изъ насъ можетъ сомнѣваться.

Мало кто изъ насъ былъ участникомъ такихъ пастырскихъ собраній, на которыхъ бы, за стаканомъ чая, обсуждались животрепещущіе вопросы нашей пастырской дѣятельности! Я первый сознаю, что не разъ, бывая въ своемъ обществѣ, шумно и безтолково спорилъ о пустякахъ, увы, за стаканомъ вина.

Кто изъ насъ похвалится, что въ его домѣ собравшіеся гости проводили время иначе? Рѣдко, рѣдко кто! О томъ, въ какомъ согласіи и любви живетъ у насъ причтъ въ захолустныхъ селахъ, всего нагляднѣе могли бы доказать наши консисторскіе архивы, переполненные тяжбами причтовъ между собою. Но самыя возмутительныя отношенія, кажется, наблюдаются почти повсемѣстно между причтомъ и прихожанами. Эти позорные и недостойные нашего сана поборы натурой въ конецъ убиваютъ въ насъ всякое нравственное самочувствіе, всякую мѣру порядочности и щепетильности! Постоянная матеріальная зависимость отъ кулака-міроѣда доводитъ иногда до возмутительныхъ сдѣлокъ съ совѣстію!

Сколько возмутительно грязныхъ фактовъ ходитъ среди мужиковъ и интеллигентовъ о нашей алчности, продажности и т. п. Но довольно этой грязи, ибо возмутительно стыдно за себя.

Нѣсколько заключительныхъ словъ объ общемъ характерѣ нашего служенія вполне охарактеризуютъ картину вѣшняго и внутренняго растлѣнія нашего духовнаго быта. Всѣ мы, или большинство, по крайней мѣрѣ, служимъ не ради возвышенныхъ идей, а ради прибытка. Ссылки на обремененность семьями, на бѣдность приходовъ нисколько не оправдываютъ насъ и ничего ровнымъ счетомъ не доказываютъ. Нельзя, конечно, не считаться съ матеріальными нуждами, но во всякомъ случаѣ кому-кому, а намъ, вождямъ народнымъ, крѣпко бы слѣдовало помнить слова Учителя нашего: „ищите прежде царства Божія и правды Его и сія вся приложатся вамъ“. Въ томъ-то и горе наше, что не замѣтно въ насъ стремленія искать царства Божія, не замѣтно стремленія къ правдѣ! Вся наша жизнь показываетъ возмутительное недовѣріе къ непреложнымъ словамъ Господа. Онъ говоритъ—ищите прежде то-то и то-то, а остальное само собой придетъ. А мы не вѣримъ какъ будто этому и поступаемъ какъ разъ наоборотъ: ищемъ послѣдняго и, при томъ, такъ усердно, что о поискахъ перваго совершенно забываемъ. Отсутствие ясныхъ идеаловъ, ибо они затемнены у насъ мірскими заботами, есть самое горшее зло, губящее всѣ наши попытки встать на высоты своего пастырскаго служенія. Въ большинствѣ случаевъ, мы—люди слова, а не дѣла. Какъ дѣйствительность нашей жизни далека отъ идеаловъ пастырскихъ, такъ далеки наши дѣла отъ красивыхъ, пышныхъ словъ!

И такъ, весь организмъ нашей церковной жизни пораженъ язвами. Правда, есть отдѣльные, довольно отрадные случаи и

въ нашей пастырской жизни, но они такъ немногочисленны, такъ скромно притаились среди царящей тьмы всеобщаго невѣжества...

Пора возстать, пора воспрянуть духомъ, пора заняться врачеваніемъ недуговъ своихъ, дабы успѣшнѣе врачевать другихъ! Корень зла не въ отдѣльныхъ безотрадно-темныхъ явленіяхъ нашей жизни, а во всеобщемъ отсутствіи среди насъ истинныхъ понятій о долгѣ. Совѣсть наша, совѣсть пастырская, подъ гнетомъ житейскихъ невзгодъ, усыплена. Идеалы попораны, удовлетвореніе низменныхъ инстинктовъ воздвигнуто на первый планъ и поклоненіе новымъ богамъ стало нашимъ современнымъ культомъ. Пусть проснется въ насъ твердое сознаніе неизмѣнно стремиться къ выполненію лежащаго на насъ долга, разбудите дремлющую совѣсть, растревожьте душу, дайте свободу и просторъ идеаламъ, воскресите ихъ, и на мѣстѣ царящаго мрака возсіяетъ свѣтъ, коего тьма не объятъ!.. Разогрѣйте души свои словомъ Божиимъ, которое мы такъ настоятельно совѣтуемъ читать народу, а сами въ него и не заглядываемъ; напитайте сердце свое неисчерпаемымъ богатствомъ твореній св. отцовъ; отрѣшиться, по мѣрѣ силъ своихъ, отъ излишней погони за прелестями міра сего, и духъ вашъ, свободный отъ узъ грѣховныхъ вожделѣній, вознесется къ Богу, ликуя и прославляя Его! Исчезнетъ, какъ сонъ, тогда и формализмъ служебный, живое слово польется изъ чистыхъ устъ; миръ и любовь воцарятся на мѣстѣ злобы и ненависти, и ихъ неизрѣченный свѣтъ широкой волной прольется въ жаждущія души пасомыхъ! Возьмите его Христово прежде всего сами на себя, научимся у Господа Его смиренію и кротости и, вѣрьте, многострадальная безотвѣтная наша матушка-Русь будетъ спасена!

Свящ. В. Канторскій.

Идеаль Богослова-педагога.

Истинный богословъ, желающій ст ать на вполнѣ научной духовно-опытной почвѣ, иначе говоря, обращающійся къ духовному самоизслѣдованію, какъ существенному элементу опытнаго метода богословской науки,—долженъ быть духовно-опытнымъ человѣкомъ, глубокорелигіознымъ и высоконравственнымъ, чуть-чуть не подвижникомъ...

Какъ бы ни казался этотъ выводъ кому либо страннымъ, однако, справедливость его должна быть ясна и очевидна всѣмъ

и каждому. Плохъ тотъ естествоиспытатель, который никогда не бывалъ ни въ лабораторіяхъ, ни въ физическихъ кабинетахъ, который не всматривался въ окружающую природу и не наблюдалъ собственными глазами ея явленій.

Не менѣе плохъ и тотъ богословъ, который, трактуя о божественномъ мірѣ, ни разу не воспарилъ собственнымъ духомъ къ этому міру; который не чувствовалъ на собственномъ существѣ соприкосновенія съ тайнами этого міра.

Не менѣе плохъ тотъ моралистъ, который широковъзвѣстно разглагольствуетъ о нравственномъ самонаправленіи и самоусовершенствованіи, не сдѣлавъ ни малѣйшей собственной попытки къ тому, не достигши въ этомъ дѣлѣ никакихъ собственныхъ результатовъ...

Конечно, не шуточное дѣло требовать отъ ученаго богослова дѣйствительнаго созерцанія божественныхъ тайнъ и нравственныхъ подвиговъ...!

Но развѣ, съ другой стороны, шуточное дѣло становиться на стражѣ этихъ тайнъ и подвиговъ? Развѣ шуточное дѣло брать въ свои руки, въ свое вѣдѣніе, подъ свое руководство то, отъ чего зависитъ вѣчная участь всѣхъ людей?!

Если не по силамъ первое, то какъ же можно принимать на свою отвѣтственность послѣднее?

Ученый богословъ долженъ обречь себя на чрезвычайные труды, стоящіе немалыхъ мукъ... Въ этомъ требованіи нѣтъ ничего страннаго и несправедливаго...

Вѣдь истинныя свѣтила болѣе легкой и менѣе важной, чѣмъ богословская, естественной науки были неутомимыми тружениками и нерѣдко истинными мучениками.

Почему же ученые богословы должны претендовать на болѣе сладкую участь?

Истинный ученый богословъ тотъ же апостоль, путеуказатель и путеводитель въ Царствіе Божіе, — и участь его не должна и не можетъ быть легче участи тѣхъ, которые пребывали: „въ терпѣніи многѣхъ, въ скорбѣхъ..., въ трудѣхъ, во бдѣніихъ, въ пощеніихъ, во очищеніи, въ разумѣ, въ долготерпѣніи, въ благодати, въ Духѣ Святѣ, въ любви нелицемѣрнѣ, въ словесахъ истины, въ силѣ Божіей“ (2 Кор. VI, 4—7)^{а *}).

Когда я читалъ вышеприведенное и, конечно, вполне справедливое разсужденіе, мнѣ пришелъ на память образъ глубоко

симпатичнаго профессора Московской духовной академіи Димитрія Ѳеодоровича Голубинскаго († 23 ноября 1903 г.).

„Знакомство мое съ Д. Ѳ., пишеть въ ж. „Вѣра и Церковь“ одинъ изъ учениковъ этого типичнѣйшаго профессора—христіанина, произошло за годъ до его смерти, въ бытность мою вольнослушателемъ въ Московской Духовной Академіи.

Вотъ,—вспоминаю я,—Димитрій Ѳеодоровичъ въ аудиторіи... Слышится его задушевный, теплый голосъ... Чувствуется, что ему все то, что онъ сейчасъ читаетъ, дорого, что все это ему—родное, и потому лекціи его никогда не были сухими. Съ какимъ благоговѣніемъ приводилъ онъ тексты священнаго Писанія и краткія изреченія изъ святыхъ Отцевъ! Съ какою восторженностью читалъ онъ стихотворенія религіознаго содержанія! Само по себѣ сухое изложеніе физическихъ и химическихъ положеній оживлялось такими вводными мѣстами. Между прочимъ, Д. Ѳ. любилъ прочитывать (и также съ особеннымъ чувствомъ) выдержки изъ перваго письма „о конечныхъ причинахъ“, написаннаго его „покойнымъ Родителемъ“.

А съ какою радостію встрѣчалъ онъ, бывало, каждого студента, всходившаго къ нему въ физическій кабинетъ! Его лицо такъ пріятливо улыбалось, и голосъ его, дыша какою-то симпатичною задушевностію, такъ ласково и тепло говорилъ. „Пожалуйте, милости просимъ!“ Послѣ долгихъ промежутковъ въ занятіяхъ, какъ то: послѣ Святковъ, масленицы, Пасхи, Д. Ѳ. въ своемъ физическомъ кабинетѣ каждому подавалъ руку и съ каждымъ цѣловался.

Д. Ѳ. съ охотою показывалъ свои приборы, съ которыми всегда бережно обращался, и съ удовольствіемъ давалъ каждому всевозможныя объясненія.

Очень часто Д. Ѳ. разспрашивалъ у студентовъ объ ихъ житьѣ-бытьѣ, и всегда помогалъ не однимъ только словомъ, (какъ многіе готовы помогать), но и дѣломъ.

Д. Ѳ.—былъ очень религіозный и вѣрующій человекъ. Онъ непременно каждую свою лекцію начиналъ и оканчивалъ молитвой. Послѣ богослуженія онъ подолгу оставался въ храмѣ Божьемъ и усердно молился. Слыхалъ я отъ одного ученика Д. Ѳ.,—теперь уже Московскаго, извѣстнаго своею пастырскою и педагогическою дѣятельностью, священника,—что Д. Ѳ. какъ то особенно глубоко молился при пѣвѣ 3-го ирмоса 5-го гласа.

„Водрузивый на ничесомже землю повелѣніемъ Твоимъ и повѣсивый неодоержимо тяготѣющую; на недвижимѣмъ, Христе,

камени заповѣдей Твоихъ, Церковь Твою утверди, Едине Блаже и Человѣколюбче.“ Умиленіе его при слыханіи этого прмоса выражалось въ его лицѣ и въ особенномъ движеніи головы.

Вспоминаю и я лично слова Д. Θ., что ни одинъ ученый такъ мудро не отвѣчаетъ на вопросъ: „на чемъ держится земля?“—какъ составитель этой церковной пѣсни.

Не буду говорить о томъ, какъ всею душою и всѣмъ сердцемъ Д. Θ. любилъ всѣхъ своихъ ближнихъ и какъ онъ милосердъ былъ къ каждому нуждающемуся. Кому это неизвѣстно? Въ этомъ онъ напоминаетъ другого извѣстнаго добряка—доктора Θεодора Петровича Гааза.

Д. Θ. глубоко вѣрилъ въ Провидѣніе и говорилъ, что не нужно очень настойчиво молить Господа Бога, чтобы Онъ исполнилъ наше желаніе,—въ томъ случаѣ, если Онъ долгое время не исполняетъ его. Тогда нужно покориться волѣ Божьей. Въ примѣръ Д. Θ. приводилъ одного своего знакомаго, которому долго не удавалось жениться и который усердно просилъ объ этомъ Господа Бога. Но когда женился, то раскаялся: его жизнь была несчастна.

Другой примѣръ. „Писалъ однажды ко мнѣ“—разсказывалъ Д. Θ.—„одинъ вдовый архипастырь, что его сынъ былъ неудачникъ въ жизни. Между тѣмъ,—сообщалъ архипастырь,—когда этотъ сынъ девятилѣтнимъ мальчикомъ смертельно заболѣлъ, я съ особенною настойчивостью просилъ объ его исцѣленіи и какъ бы вымолилъ его для себя у Господа Бога. Но лучше бы я предоставилъ это Провидѣнію Божию“.

Какъ то мнѣ Д. Θ. сказалъ: „Напрасно, вы, Алексѣй Михайловичъ,—(Д. Θ. у всѣхъ всегда спрашивалъ о имени и отечествѣ, и потомъ уже никогда не забывалъ величать каждого)—пишете на конвертѣ: „Свято-Сергіевскій посадъ“,—это можно сказать только про Троице-Сергіеву Лавру, а—посадъ, какой онъ святой?! Посадъ—бѣдовый: въ немъ живетъ много бѣдоваго люду, который нѣкоторымъ не дастъ покою“... И какъ бы въ подтвержденіе словъ Д. Θ., внизу его дома начали стучать „бѣдовые“ люди, зная, что въ этомъ домѣ двери, если постучать въ нихъ, непременно отворятся.

Въ заключеніе не могу не сказать о томъ, какъ Д. Θ.—этотъ воистину „православный богословъ и смиренный христіанинъ“ отзывался о старой духовной школѣ. Онъ всею душою любилъ ее. Онъ всегда съ искреннею любовью вспоминалъ о

Византской семинаріи, которую непременно, несмотря ни на какія препятствія, посѣщалъ во дни праздниковъ.

Правда, въ одномъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ: „прежде было въ Византской семинаріи суровое обращеніе высшихъ съ низшими“. Но на этомъ онъ и останавливается, а дальше съ благодарностью вспоминаетъ свою *alta-mater*. Какъ не похожи (къ сожаленію) на Д. Θ. современные писатели, желающіе, чтобы розы были безъ шиповъ!

Еще съ большимъ уваженіемъ, чѣмъ къ Византской дух. семинаріи, Д. Θ. всегда относился къ Московской духовной Академіи и ко всѣмъ ея знаменитымъ наставникамъ. Съ какою любовью Д. Θ. вспоминалъ такія свѣтлыя личности, какъ Московскій митрополитъ Филаретъ, Родитель Димитрія Θεодоровича, протоіерей Θεодоръ Александровичъ Голубинскій, — (Д. Θ. самое слово „Родитель“ писалъ всегда съ большой буквы), — протоіерей А. В. Горскій, протоіерей С. К. Смирновъ, а также почти современные намъ общественные дѣятели, славные питомцы М. д. ак. —: протоіерей Д. Θ. Касицынъ, профессоръ И. Н. Корсунскій, Архіепископъ Харьковскій Амвросій и многіе, многіе другіе. Все это — драгоценныя плоды старой духовной школы.

Такимъ же драгоценнымъ плодомъ старой духовной школы является и самъ незабвенный Димитрій Θεодоровичъ. Не могу не открыться, что, когда я вспоминаю о немъ, предо мною, не получившимъ образованія въ духовной школѣ, всегда встаетъ такой вопросъ: если, по словамъ Христа Спасителя, „не собираютъ смоквъ съ терновника, и не снимаютъ винограда съ кустарника“ (Луки 6, 44), — то какимъ же образомъ въ старой духовной школѣ, — въ этомъ плохомъ, — по мнѣнію нѣкоторыхъ современныхъ намъ писателей — виноградникѣ спѣютъ такіе полезные, драгоценныя плоды, какъ Димитрій Θεодоровичъ Голубинскій? Изъ загрязненнаго источника можетъ ли проистекать такая благоуханная вода?... *).

Богъ поругаемъ не бываетъ.

Полякъ по происхожденію, католикъ по вѣрѣ, онъ герой данной замѣтки, не могъ сойдтись близко съ православнымъ населеніемъ того края, куда судьба забросила его снискивать себѣ пропитаніе.

*) Вѣра и Церковь. Кн. 4 за 1906 г.

Онъ прошелъ незамѣтно житейской дорогой, не оставивъ по себѣ ни свѣтлой памяти, ни добраго слова,—прошелъ незамѣтно и какъ земскій фельдшеръ, и какъ человѣкъ.

Земскій фельдшеръ... Скромно это званіе, но при добросовѣстномъ отношеніи къ своему дѣлу, при сердечной отзывчивости къ страждущимъ братьямъ оно открываетъ широкое поле для дѣятельнаго служенія обществу въ томъ небольшомъ районѣ, который ввѣряется фельдшеру. Можно-бы было многимъ облегчить страданія, можно-бы многихъ спасти отъ преждевременной смерти, можно-бы стяжать себѣ такую популярность, что темный народъ безъ удержу рыдалъ-бы надъ его недавно вырытой свѣжей могилой... Многое бы можно было сдѣлать, но онъ не сдѣлалъ ничего, и умеръ, оставивъ по себѣ лишь темную грустную память, отъ какой избави Богъ cadaго.

У него были установлены опредѣленные часы для приема больныхъ. Только въ эти часы могъ являться къ нему бѣдный мужикъ со своими недугами; а опоздалъ почему—либо иль болѣзнь приключилась послѣ назначеннаго для лѣченія времени,—съ Богомъ проваливай взадъ: небольшой, братъ, ты господинъ—придешь и завтра.

А завтра мужичекъ заставлялъ фельдшера въ такомъ положеніи, которое требовало лѣченія для него самого,—заставлялъ его пляннмъ, немогущимъ оказать ему нужной помощи.

И уходилъ отъ него темный мужикъ съ горькой обидой на сердцѣ и съ предубѣжденіемъ къ медицинѣ, надъ великимъ именемъ которой такъ недобросовѣстно глумился ея недостойный работникъ.

Иной разъ зоветъ его другой мужичекъ къ трудно—болѣному, котораго невозможно было доставить на фельдшерскій пунктъ. Близко до больного, поѣдетъ; а далеко, иль ужъ ночь наступаетъ,—ни за что, какъ ни проси его бѣдный мужикъ. Единственно, что сдѣлаетъ онъ для него—это пропишетъ заочно, со словъ мужика, безвредное и бесполезное для больного лѣкарство.

„Что эти фельдшера? Только даромъ деньги получаютъ, а толку отъ нихъ никакого“, говорятъ крестьяне, и идутъ къ какой—нибудь бабкѣ Улитѣ за цѣлебными травами, которыя та ежегодно собираетъ въ Ивановскую ночь съ нашептываніями да приговорами; идутъ къ ней артелями съ надеждой на исцѣленіе, съ трудовыми пятаками, десятками яицъ и другими предметами для ея вознагражденія.

Всѣхъ принимаетъ бабка Улита, никого не гонить прочь отъ себя. Кого въ печѣхъ попарить, кому дать принимать настой изъ собранныхъ травъ, надъ кѣмъ тайно и пошепчетъ какія—то невѣдомыя, ей одной знакомыя слова...

И—чудное дѣло!.. Многимъ помогаетъ бабка Улита, у многихъ недуги какъ рукой снимаются.

И широкой волной по дымнымъ избахъ по глухимъ деревнямъ несется ея знахарская слава; съ каждымъ днемъ все крѣпнеть да крѣпнеть среди темнаго люда ея медицинская извѣстность...

А фельдшеръ?.. Онъ забытъ ужъ народомъ, забыта и дорога къ квартирѣ его.

Таковъ былъ тотъ, про кого говорить данная замѣтка. Какъ звали его, гдѣ служилъ онъ, думаю, никому не интересно знать; а, если угодно, могу сообщить и болѣе точныя свѣдѣнія о немъ,—но свѣдѣнія, далеко неблагоприятныя для него.

Будучи плохимъ, непопулярнымъ среди народа, фельдшеромъ, печальную извѣстность стяжалъ онъ себѣ и какъ человѣкъ.

У него не было ни родныхъ, ни друзей. Онъ былъ одинокъ—и, если съ кѣмъ временами водилъ дружбу, то лишь на почвѣ бутылочныхъ интересовъ. Это былъ настоящій алкоголикъ, жизнь котораго прошла за безпрерывнымъ пьянствомъ со всевозможными безобразіями.

Такъ тянулись дни за днями, проходили недѣли, мѣсяцы, и... вдругъ, какъ гостя незваная, явилась къ нему смерть,—но смерть необычная.

Стояла весна. Тепло и привѣтливо свѣтило надъ землею майское солнце. Подъ животворными лучами его постепенно оживали въ природѣ дремавшія зимою силы; распускались почки на деревьяхъ въ зеленые пахучіе листья, на лугахъ пробивалась мягкая шелковистая травка.

Шумно и людно было въ селѣ N въ день св. Николая Чудотворца. Тамъ былъ въ этотъ день храмовой праздникъ и сельская ярмарка.

Въ раскинутыхъ балаганахъ бойко шла торговля. Широкая улица села вся была, такъ сказать, запружена гуляющимъ народомъ... Слышались пьяныя пѣсни, игра на гармоніи, шумъ, смѣхъ и т. п.

Фельдшеръ былъ также въ числѣ гуляющихъ.

Онъ твердо зналъ, что нашъ мужикъ хлѣбосоль: чѣмъ богать, тѣмъ и радъ угостить; зналъ и поэтому не брезговалъ

даровымъ угощеніемъ, и къ вечеру былъ уже въ такомъ положеніи, когда окружающіе предметы начали двоиться и даже трояться въ его глазахъ.

Хмѣль развязалъ языки и мужикамъ и фельдшеру. Тѣ начали печаловаться ему на то, что въ приходѣ появился кровавый поносъ, отъ котораго „мрутъ“ особенно малые да старыя.

„Плохо лѣчите“, пеняли ему мужики: „осмотрѣть порядкомъ не хотите и настоящее лѣкарствіе прописать“.

„Стоитъ васъ лѣчить?... Все отъ себя“, заругался оскорбленный фельдшеръ: „жрете, что попало,—ну и переколѣете всѣ“.

„Никто, какъ Угодникъ“, замѣтили ему мужики: „не вы, такъ онъ поможетъ“...

„Угодникъ“, передразнилъ ихъ фельдшеръ, и сказалъ такое нехорошее слово, что крестьяне только въ ужасѣ руками развели.

„Да васъ и съ угодникомъ то всѣхъ холера переберетъ“, съ пѣной у рта заругался фельдшеръ.

„Ну—это тебѣ даромъ не пройдетъ“, замѣтили ему мужички. И дѣйствительно не прошло.

Едва только прошелъ праздникъ св. Николая Чудотворца, едва только успѣлъ фельдшеръ проснуться съ тяжелаго похмѣлья, какъ уже самъ обнаружилъ у себя первые признаки смертельной болѣзни—рака желудка, противъ которой бессильна человѣческая наука. Черезъ 2 мѣсяца его не стало.

„Угодникъ покаралъ“, сказали мужички, узнавъ объ его смерти. —

Да, дѣйствительно, въ этой болѣзни и смерти видно наказаніе Божьяго Угодника, что сразу и подмѣтили крестьяне, своею простою душой глубже проникнувъ въ причину болѣзни.

Истинно—то, что сокрыто бываетъ отъ премудрыхъ и разумныхъ, Богъ нерѣдко открываетъ младенцамъ, каковыми въ дѣлахъ вѣры безъ сомнѣнія являются наши крестьяне. —

Пусть другіе объясняютъ эту смерть естественными причинами, но для человѣка вѣрующаго, что безъ воли Божіей и волюсь не падеть съ головы,—для такого человѣка эта смерть—дѣйствительно Божья кара. Пусть другіе говорятъ, что въ данномъ случаѣ—простое совпаденіе обстоятельствъ; но такихъ совпаденій жизнь знаетъ немного, и на языкѣ вѣры они называются чудесами, которыя Богъ время—отъ времени являетъ въ грѣшномъ мірѣ для наказанія однихъ и разуменія другихъ.

Свящ. *Василій Образцовъ.*

Разныя извѣстія.

Въ семинаріи въ нынѣшнемъ году является необходимость открыть въ 1 кл. 3 отдѣленія и въ 5 кл. вѣроятно 2 отдѣленія.

Въ редакцію поступилъ докладъ Комитета Общества вспомошествованія недостаточнымъ учен. Кирилловскаго дух. учил. общему собранію членовъ о приходѣ и расходѣ суммъ за 1905 годъ.

Изъ доклада видно, что отъ 1904 г. къ 1905 г. оставалось въ кассѣ Общества $\frac{0}{100}$ бумагами и наличными 2527 р. 7 к. Въ 1905 г. поступило 355 р. 40 к. Расходъ 1905 г. (на дорогу, на обувь, на одежду и пр.) 170 р. 52 к.

За исключеніемъ расхода изъ прихода (355 р. 40 к. — 170 р. 52 к. = 184 р. 88 к.) съ остаткомъ отъ прежнихъ годовъ (2527 р. 7 к.) — къ 1906 г. у Общества имѣется 2711 р. 95 к. Капиталь этотъ составляютъ: а) 500 р. специальный, пожертвованный Преосв. Мисаиломъ, еписк. Олонецкимъ, б) 2020 р. неприкосновенный (100 р. Преосв. Пелаз. Тихона, 60 р. Наст. Тихвинскаго монаст. архим. Іоаннікія, 100 р. Настоят. Сергіев. всей арт. соб. прот. І. А. Филоsofova и 1760 р. отчисленій изъ остатковъ прежнихъ годовъ) и в) 191 р. 95 к. расходный.

По 4 § Устава Общество состоитъ подъ покровительствомъ Высокопреосв. Гурія Архіеп. Новг. и Старорус. Въ 1905 г. въ Обществѣ были — 1 почетный членъ (по 8 § устава, Преосв. Оеодосій Еп. Кирилловскій), 4 пожизненныхъ, 18 дѣйствительныхъ и 20 сореvнователей. Завѣдыв. дѣлами Общества Комитетъ состоялъ изъ Предсѣдат. — Прот. Кирил. Виноградова, Товар. Предс. св. о. П. Лѣсницкаго, непрем. члена — смотр. учил. Ал. Аф. Раменскаго, св. о. А. Діаконова и Е. П. Голубева, исполнявшаго обязанности секретаря и казначея.

Членами Ревизіонной комиссіи были — св. о. А. Мирославскій, св. о. В. Вѣщезеровъ и св. о. Ал. Смирновъ.

отрѣзъ черносѣрой матеріи въ 4 $\frac{1}{4}$ арш. **ТРИКО !** для полн. элеган. прочн. муж. костюма выс. нал. плат. за 5 р. 25 к. Суконная фабр. **З. Розенталя** г. Лодзь № 149.

Содержаніе № 35.

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.—Архипаст. благосл.—Движеніе и перемѣны по службѣ.—Праздники вакансіи.—Поступленія въ пользу неурожайныхъ.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.—Священникъ въ борьбѣ съ социализмомъ.—О сквернословіи.—Въ обители преп. Макарія.—Язвы пастырства. Идеаль богослова-педагога.—Богъ поручаемъ не бываетъ.—Разныя извѣстія.

Цензоръ Архимандритъ *Серій.*

Редакторъ, преподаватель Семиваріи *Владиміръ Финиковъ.*
